

И. П. ЕРЕМИН

Волинская летопись 1289—1290 гг.

Так называемая Волинская летопись, в дошедших до нас списках непосредственно примыкающая к летописи Данила Галицкого, уже дважды была предметом специального изучения. Однако вопрос о ее происхождении и объеме до сих пор не может считаться решенным: мнения исследователей расходятся.

М. С. Грушевский¹ полагал, что Волинская летопись была составлена в три приема.

В 1260—1263 гг.² летопись Данила Галицкого (заканчивалась она, по утверждению М. С. Грушевского, рассказом о событиях 1255 г. — эпилогом австрийской кампании Данила) была дополнена небольшой «Повестью о Куремсе и Бурандае» (стр. 555—565).³ «Повесть» эта, излагающая поход на Волинь в конце 1255 г. татарского воеводы Куремсы и поход на Русь и Польшу в 1259—1260 гг. другого татарского воеводы, Бурандая (Бурандая), была составлена, по мнению М. С. Грушевского, еще при жизни Данила Галицкого. Большое внимание, какое автор «Повести» уделит Холму, истории его строительства, его пожару во время нашествия Куремсы, его спасению от разгрома в дни нашествия Бурандая, свидетельствует, что «Повесть» была составлена в Холме кем-либо из местных жителей, очень возможно, местным священником, судя по детальному описанию холмских церквей.

Вскоре после убийства литовского князя Войшелка (Войшелк был убит в 1267 г. или в 1268 г., но до 1269 г.) это «первое продолжение» летописи Данила Галицкого было дополнено вторым — Повестью о событиях в Литве после смерти Миндовга (стр. 565—573). Основное содержание Повести — история убийства Миндовга, уособица после его смерти, месть Войшелка за смерть отца, передача им княжения Шварну Даниловичу, убийство Войшелка. Тот факт, что Повесть особое внимание уделяет Шварну Даниловичу, уделом которого был Холм, дает М. С. Грушевскому основание полагать, что и эта Повесть, как и предшествующая — о Куремсе и Бурандае, была составлена в Холме. Принадлежит эта Повесть, однако, другому автору — не тому, кто составил рассказ о походах Куремсы и Бурандая: отсутствие какого-либо интереса к татарам у второго автора не дает оснований, по мнению М. С. Грушевского, отождествлять

¹ М. Грушевський. Історія української літератури, т. III. Київ—Львів, 1923, стр. 180—203.

² Здесь и ниже даты приводятся по таблице М. С. Грушевского; см.: М. Грушевський. Хронологія подій Галицько-Волинської літописи, Записки Наукового товариства ім. Шевченка, т. XLI, 1901, кн. III, стр. 61—72.

³ Все ссылки на текст Волинской летописи даются по изданию: Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871.

его с первым. Повесть не дошла до нас в первоначальном своем виде: она перебита некрологом Данила Галицкого и погодными известиями, под 1265—1266 гг. в Ипатьевском списке, о появлении на востоке звезды «хвостатой», о смерти княгини Елены и о «мятеже» у татар. И этот некролог, и эти известия производят на исследователя впечатление позднейшего добавления к Повести.

Последняя составная часть Волынской летописи — «Повесть о Владимире Васильковиче» (стр. 573—616). Написана она одною рукою как продолжение предыдущей Повести о событиях в Литве, за исключением, разве, завершающих повествование известий о сооружении Мстиславом Даниловичем каменной гробницы «над гробом бабы своей Романовой», о смерти пинского князя Юрия Владимировича и степанского князя Ивана Глебовича и некоторых других возможных вставок. Приступая к делу — зимою 1286—1287 гг., — автор «Повести» переписал не только Повесть о событиях в Литве, но и весь предшествующий ей текст, в том числе и летопись Данила Галицкого. Начал свою «Повесть» автор с краткого обзора событий 1269 г. (смерть Шварна Даниловича, вступление на литовское княжение Тройдена, смерть Василька Романовича) и закончил ее рассказом о событиях 1289 г. — о начале княжения во Владимире-Волынском преемника Владимира Васильковича — Мстислава Даниловича.

Новейший исследователь В. Т. Пашуто⁴ также полагает, что Волынская летопись была составлена в три приема. Но историю текста этой летописи он представляет себе иначе, чем М. С. Грушевский, не опровергая, впрочем, и даже не оговаривая построений своего предшественника. По утверждению В. Т. Пашуто, дело происходило так.

После смерти Данила Галицкого (умер в 1264 г.) летопись этого князя «попала в город Владимир и здесь, при дворе князя Василька, была переработана и продолжена с целью показать роль владимирского княжения и самого князя Василька Романовича в политической жизни юго-западной Руси».⁵ Свое изложение «летопись князя Василька Романовича», как называет ее В. Т. Пашуто, доводила до 1269 г. и обрывалась кратким сообщением о смерти князя Василька в этом году (стр. 574).

Летописание при Васильке Романовиче не было оформлено в специальный свод, а по смерти князя было продолжено его сыном и преемником Владимиром. Начинала свое изложение «летопись Владимира Васильковича» с известия о вступлении Владимира на княжеский стол в 1269 г., после смерти отца, и доводила повествование до 1289 г. (стр. 574—610). Начатая, возможно, еще при жизни Владимира, закончена она была уже после его смерти. По предположению В. Т. Пашуто, составлена была летопись по инициативе епископа Евстигнея.

Тот же автор при преемнике Владимира Васильковича — Мстиславе Даниловиче стал продолжать свою летопись. От этого продолжения до нас дошел, по мнению В. Т. Пашуто, только «отрывок» (стр. 610—616), сильно пострадавший от последующей переработки.

Так называемая Волынская летопись представляет собою, следовательно, летописный свод, в состав которого, по утверждению В. Т. Пашуто, вошли, последовательно наслаиваясь одна на другую, «придворные» летописи князей Василька Романовича, его сына Владимира и Мстислава Даниловича.

Совпадая в основном положении (Волынская летопись составлена в три приема), концепции М. С. Грушевского и В. Т. Пашуто в подробностях,

⁴ В. Т. Пашуто. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. Изд. АН СССР, М., 1950, стр. 101—133.

⁵ В. Т. Пашуто. Очерки. . . , стр. 103.

как видим, существенно отличаются одна от другой. Какая же из них соответствует действительности? Чтобы ответить на этот вопрос, очевидно необходимо обратиться к аргументации исследователей и проверить ее на тексте.

Переходя к критическому разбору построения М. С. Грушевского, прежде всего нужно отметить, что у нас нет достаточных оснований для выделения особой «Повести о Куремсе и Бурандае». Текст летописи не подтверждает гипотезы М. С. Грушевского.

Если в летописи два или три рассказа объединяются в один повествовательный ряд «единством темы», факт этот сам по себе еще ничего не доказывает: иногда это «единство» подсказывается летописцу самой исторической действительностью (события следуют одно за другим), иногда летописец, не желая дробить повествования, сам объединяет сходные по содержанию эпизоды в один ряд. Гипотеза М. С. Грушевского исходит из чисто умозрительного предположения о том, что всякое «единство темы» в рамках летописного повествования всегда будто бы свидетельствует о самостоятельности данного отрезка повествования и предполагает руку другого автора. В данном случае, впрочем, нет даже и этого условия: «единство темы» предполагаемой М. С. Грушевским «Повести о Куремсе и Бурандае» весьма относительно. «Повесть» перебита эпизодами, не имеющими прямого отношения к «татарской» теме: рассказом о «сече великой» Руси с Литвою у Луцка в 1255 г. (стр. 556—557), рассказом об основании Холма, о его церквах, о восстановлении города после пожара (стр. 558—560), сообщением о конфликте Данила Галицкого с литовскими князьями из-за сына Романа и о походе Данила на Литву в 1258 г. (стр. 560—561), известием о торжестве во Владимире — свадьбе Ольги Васильковны (стр. 561—562). Отступления эти нарушают то «единство темы», которым якобы объединяются, по словам М. С. Грушевского, все эпизоды «Повести о Куремсе и Бурандае».

Не подтверждает предположения М. С. Грушевского и литературный строй «Повести»: рассказ о Куремсе близок по своему литературному оформлению к летописи Данила Галицкого, составной частью которой он несомненно и является;⁶ рассказ о Бурандае обнаруживает руку, типичную для волынского летописания. Неоднородность литературного строя «Повести» вынужден был признать и М. С. Грушевский; он объяснял ее тем, что автор «Повести» вначале якобы находился «под сильным влиянием» стиля своего предшественника — галицкого летописца и только постепенно, по мере продвижения «Повести» к концу, от этого влияния освобождался.

Даже первая строка предполагаемой М. С. Грушевским «Повести» не подтверждает его предположения: «По рати же Кремянецькой Куремьсине Данил воздвиже рать противу татаром...» (стр. 555); вполне понятная в устах летописца, незадолго перед тем описавшего на своем месте поход Куремсы под Кременец в 1254 г. (см. стр. 550), она более чем сомнительна в устах автора «Повести», задуманной в качестве самостоятельного повествования о «татарской беде». Рассказ о «рати Кремянецькой» находится в прямой связи по содержанию с читающимся в начале «Повести» рассказом о походе Данила «противу татаром»: широко задуманный Данилом поход против татар в 1255 г. — месть за кременецкое поражение. Связь эту и подчеркивает первая строка «Повести»: «По рати же Кремянецькой Куремьсине Данил воздвиже рать...». Однако М. С. Гру-

⁶ В рассказе налицо некоторые характерные для летописца Данила Галицкого слова и словосочетания: «времени же минувшу», «не бе бо могл», «не удоси ею», «всим тоснущимся» и пр.

шевский не счел возможным рассказ о «рати Кремянецькой» присоединить к «Повести»: операция эта вступила бы в противоречие с его же собственным утверждением, по которому летопись Данила Галицкого заканчивалась позже — обрывалась рассказом о событиях 1255 г. (эпилогом австрийской кампании Данила).

Лишено достаточных оснований и утверждение М. С. Грушевского, что непосредственным продолжением «Повести о Куремсе и Бурандае» явилась специальная Повесть о событиях в Литве после смерти Миндовга.

«Единство темы», в данном случае «литовской», и здесь для М. С. Грушевского имеет решающее значение. Текст, однако, свидетельствует, что «единство» это осуществляется далеко не последовательно. Повесть перебита известиями, не имеющими отношения к Литве: о «снеме» русских князей с польским королем в Тернаве (стр. 567), о «свадбе» у Романа Брянского в 1263 г. (стр. 569), о смерти Данила Галицкого в 1264 г. (стр. 570), о появлении кометы в том же году, о смерти княгини Елены, о «мятеже» у татар (стр. 570).

Не убеждает и другой довод М. С. Грушевского. Отдельные эпизоды Повести (убийство Миндовга, убийство Тройната и др.), утверждает он, обрамлены стилистическими формулами, свойственными только этой Повести: «Убийство же его сице скажемъ» (стр. 567), «И тако бысть конецъ Миндовгову убитью» (стр. 568), «И тако бысть конецъ убитья Тренятина» (стр. 569). В последний раз в тексте Волынской летописи одна из этих формул встречается, по словам М. С. Грушевского, в финале рассказа об убийстве Войшелка: «И такъ бысть конецъ убитья его» (стр. 573). Это последнее обстоятельство и дает М. С. Грушевскому основание считать, что предполагаемая им Повесть именно здесь, рассказом об убийстве Войшелка, и заканчивалась⁷ и что следующие за ним сообщения — о смерти Шварна Даниловича и о начале княжения в Литве Тройдена — принадлежат другому автору. В действительности формулы эти в тексте Волынской летописи встречаются не раз, и выше Повести и много ниже: «И тако бысть конецъ Судомирскому взятю», — читаем в конце рассказа о взятии татарами Сандомира (стр. 565); «Убийство же ею сице скажемъ», — читаем в начале рассказа о смерти на поле брани «прусына» и Раха (стр. 584). Те же формулы обрамляют и повествование о смерти князя Владимира Васильковича: «Болезнь же его сице скажемъ», — читаем в начале повествования (стр. 601) и в конце: «Тутю же положимъ конецъ Володимерову княжению» (стр. 610). Указанные формулы, как видим, отнюдь не являются принадлежностью только автора Повести и не дают оснований рассказ об убийстве Войшелка отрывать от тесно связанного с ним по содержанию рассказа о смерти Шварна и о начале княжения в Литве Тройдена.

«Повесть о Куремсе и Бурандае» была составлена, полагал М. С. Грушевский, в Холме. Там же, по его мнению, была составлена и Повесть о литовских событиях после смерти Миндовга. Последняя в стилистическом отношении ничем существенным от первой не отличается. Не отрицая этого факта, М. С. Грушевский, тем не менее, не считал возможным приписать ее тому же автору, который написал «Повесть о Куремсе и Бурандае», на том основании, что автор Повести о литовских событиях, целиком занятый литовскими делами, в отличие от своего предшественника, не обнаруживает какого-либо интереса к татарам. Не говоря уже о том, что здесь эта ссыла М. С. Грушевского на отсутствие интереса к татарам сама по себе явно недостаточна, она и неверна: автор Повести не так уж безразли-

⁷ «...спрятавшє тело его и положиша во цєркви святаго Михаїла Великаго» (стр. 573).

чен к татарам, как казалось М. С. Грушевскому; он сообщает о «мятеже» у татар (стр. 570), и М. С. Грушевский напрасно — текст не дает для этого ни малейшего основания — объявляет это сообщение «позднейшим добавлением» к Повести.

На мой взгляд, никак не может быть принято и построение В. Т. Пашуто.

Факт существования особой «летописи князя Василька Романовича» В. Т. Пашуто не доказан. Исследователь прав, когда утверждает, что тот отрывок Волинской летописи, где он ищет следов этой «летописи Василька Романовича» (стр. 560—574), составлен во Владимире сторонником князя Василька. Данный отрывок действительно «отражает претензии Василька Романовича на руководящую роль в юго-западной Руси»;⁸ князь Данил Галицкий здесь действительно означен, в рассказе о свадьбе во Владимире Ольги Васильковны с Андреем Черниговским, как «брат Василков» (пояснение, понятное в устах владимирского летописца); рассказ о походе Василька и сына его Владимира на Литву в 1262 г., очень возможно, действительно составлен «современником и очевидцем» этого похода.⁹ Но отсюда еще не следует, что отрывок этот мог быть составлен только при дворе князя Василька — при его жизни или вскоре же после его смерти (Василько Романович умер в 1269 г.). Он с равным успехом мог быть составлен и позже — при дворе Владимира Васильковича. Ничего невероятного в этом нет. Летописец Владимира Васильковича, продолжая летопись Данила Галицкого, мог поставить себе ту же цель, что и предполагаемый В. Т. Пашуто «придворный» летописец Василька Романовича. Владимир был сыном Василька и его преемником на владимирском остоле. Не менее своего отца он был, конечно, заинтересован в том, чтобы его «придворный» летописец — епископ Евстигней или кто-либо из его окружения, как думает В. Т. Пашуто, — в должном свете показал роль и значение Василька Романовича в политической жизни юго-западной Руси. Около 1290 г., когда был, по предположению В. Т. Пашуто, составлен «летописный свод» епископа Евстигнея, сделать это в ретроспективном плане было даже легче: время Василька Романовича уже отходило в прошлое, становилось достоянием истории. Ссылка В. Т. Пашуто на то, что события княжения Василька излагал «современник и очевидец», также не убедительна. Если епископ Евстигней около 1290 г. мог описать события 1269 г. (вступление Владимира Васильковича на княжеский стол), то он мог описать и события 1258—1259 гг.

Не убеждает и предложенная в исследовании В. Т. Пашуто реконструкция этой предполагаемой им «летописи Василька Романовича». Возникла она, по утверждению В. Т. Пашуто, как непосредственное продолжение холмской летописи Данила Галицкого: конец последней владимирский летописец, по словам В. Т. Пашуто, вконец переработал,¹⁰ систематически «вклинивая куски» то ли собственного текста, то ли какой-то бывшей у него под руками особой «владимирской хроники» (это неясно в изложении В. Т. Пашуто).

Рассказ о первом нашествии Бурандая в 1258 г. является, полагает В. Т. Пашуто, именно тем местом в тексте Галицко-Волинской летописи, где впервые отчетливо заметна эта операция. Уже это первое положение В. Т. Пашуто вызывает недоумение. Почему именно здесь? Только потому,

⁸ В. Т. Пашуто. Очерки..., стр. 109.

⁹ В. Т. Пашуто. Очерки..., стр. 104—105.

¹⁰ Последний след летописи Данила Галицкого в составе Волинской летописи В. Т. Пашуто предположительно усматривает в рассказе о княжеском съезде 1262 г. в Тернаве (стр. 567). (См.: В. Т. Пашуто. Очерки..., стр. 102).

что в рассказе о нашествии Бурандая впервые подчеркнута «самостоятельная деятельность» князя Василька? Но почему нельзя предположить, что в рассказе о событиях 1258—1259 гг. роль Василька в политической жизни юго-западной Руси подчеркнута потому, что Василько в эти годы действительно обнаружил активность? Почему, наконец, о «самостоятельной деятельности» Василька мог рассказать только его, Василька Романовича, «придворный» летописец и не мог сделать того же летописец Данила Романовича? В. Т. Пашуто полагает, что сделать это мог только летописец князя Василька.

Исходя из этого голословного утверждения, В. Т. Пашуто далее, уже не затрудняя себя какой-либо аргументацией, отмечает, какие именно «куски» текста должны быть отнесены за счет владимирского источника, какие за счет холмского. Анализ сводится к простому распределению текста между этими двумя источниками. В результате такой операции разным авторам приписываются «куски» текста, теснейшим образом связанные между собою не только по своему литературному оформлению, но и по содержанию.

Рассказ о первом нашествии Бурандая в 1258 г. (стр. 560—561) В. Т. Пашуто, верно, с моей точки зрения, считает принадлежащим летописцу Данила Галицкого, но исключает из летописца эпизод о походе Василька и Бурандая на Литву (от слов: «Василкови же едушу по Борундаи...» до слов: «... княгиню бе бо оставил у брата и сына своего Володимера»). Почему? Ведь эпизод этот — по содержанию прямое продолжение предшествующего изложения: выше сообщалось, что Данил и Василько специально совещались, кому ехать с татарами, и было решено, что поедет Василько. Связан этот эпизод с предшествующим и по изложению: «... и еха Василко за брата, и проводи его брат (Данило) до Берестья, и посла с ним люди своя... Василкови же едушу по Борундаи одному по Литовьской земле, обрет негде Литву...» (стр. 560). Почему этот эпизод в целом не мог принадлежать холмскому летописцу Данила Романовича — непонятно.

Ряд недоумений вызывает и анализ В. Т. Пашуто рассказа о втором нашествии Бурандая в 1259 г. (стр. 561—564). Начинается рассказ с сообщения о свадьбе во Владимире у Василька Романовича; в разгар свадебного веселья пришла князьям весть о приходе Бурандая. По утверждению В. Т. Пашуто, оба эти эпизода принадлежат разным авторам: первый («веселье») — владимирскому летописцу, второй («весть») — холмскому. Почему? Или В. Т. Пашуто предполагает, что та подробность, что «весть» пришла в разгар «веселья», могла быть известна только владимирскому автору? Что холмский автор об этом обстоятельстве не знал и знать не мог? Предположение В. Т. Пашуто тем более непонятно, что оба эпизода находятся в теснейшей грамматической связи между собою. «И бывшу же веселью немалу в Володимере городе, и приде весть тогда Данилови к королю и к Василкови, оже Бурандай идеть...» (стр. 562). Это «тогда» здесь — знак, что оба эпизода несомненно принадлежат одному и тому же автору, что второй эпизод — прямое продолжение первого не только по содержанию, но и по изложению. Эпизод, по предположению В. Т. Пашуто принадлежащий холмскому автору, оканчивался словами: «Данило же убоявся побеже в Ляхы, а из Ляхов побеже во Угры» (стр. 562). Опять произвольное допущение, не подтвержденное никакими доказательствами. Почему именно здесь? Почему не ниже? Потому что дальнейший текст рассказывает о действиях Василька? Но о действиях Василька рассказывает и текст, который В. Т. Пашуто считает принадлежащим холмскому автору (не Данил, а Василько отправляется к Бурандаю с дарами, Василько

отправляет епископа к Данилу с донесением, Василько по приказу Бурандая разоряет Кременец и Луцк).

В. Т. Пашуто убедительно, на ряде примеров, показал, что владимирский летописец, переписывая летопись своего предшественника, иногда вносил в нее свои дополнения с целью подчеркнуть роль Василька Романовича в политической жизни юго-западной Руси.¹¹ Но ведь отсюда еще отнюдь не следует, что все или почти все упоминания о князе Васильке в тексте летописи Данила Галицкого принадлежат перу ее владимирского редактора.

По мнению В. Т. Пашуто, предполагаемая им «летопись Василька Романовича» заканчивалась сообщением о смерти князя Василька: «Преставися благоверный князь и христоробивый великий Володимерьский, именемъ Василко» (стр. 574). И это утверждение В. Т. Пашуто не подкреплено решительно никакими доказательствами. Видимо, оно исходит из предположения, совсем не самоочевидного, что в древней Руси каждый князь вел свою местную летопись: со смертью князя летопись завершалась, с восшествием на стол другого князя, его преемника, начиналась новая летопись.

В. Т. Пашуто несомненно прав, когда утверждает, что текст, где излагается начало княжения во Владимире-Волынском Мстислава Даниловича (стр. 610—616), принадлежит тому же автору, который составил весь предшествующий текст (историю княжения Владимира Васильковича). Нет, действительно, никаких оснований этот коротенький текст (6 страниц по изданию 1871 г.) рассматривать как произведение нового автора, как новый этап волынского летописания: конструктивно и стилистически они однотипны.

Решительное возражение вызывает только попытка В. Т. Пашуто рассматривать этот текст как «отрывок» якобы существовавшей особой «летописи Мстислава Даниловича». Об утрате конца этой летописи, полагает В. Т. Пашуто, свидетельствует «последнее известие ее, касающееся пинских и степанских князей».¹² Известие это составляют два кратких некролога — Юрия Владимировича пинского и Ивана Глебовича степанского. Оба некролога составлены в характерной для Волынской летописи манере и, на мой взгляд, «об утрате конца текста» сами по себе не свидетельствуют и не могут свидетельствовать: с равным правом можно предположить, что летописец именно здесь по неизвестным нам причинам оборвал свое изложение.

Текст «летописи Мстислава Даниловича», полагает В. Т. Пашуто, не дошел до нас в своем первоначальном виде: он «пострадал от последующей переработки», он перебит «вставками», носит «явные следы перегруппировки».¹³ Не вижу оснований для такого рода утверждений: они отнюдь не поддерживаются текстом.

По мнению В. Т. Пашуто, сообщение о вокняжении Мстислава Даниловича («Князь же Мьстислав седе на столе брата своего Володимера, на самый великий день, месяца априля в 10 день...») стоит «не на месте»: место этого сообщения — в самом начале «летописи», а читается оно ниже — после рассказа о «кормоле» берестян (стр. 613). Не вижу причин предполагать здесь непременно перестановку. Все на месте, с моей точки зрения. В дошедшем до нас тексте предполагаемая В. Т. Пашуто «летопись Мстислава Даниловича» начинается с сообщения о том, что Мстислав несколько запоздал и прибыл во Владимир, когда гроб покой-

¹¹ В. Т. Пашуто. Очерки... стр. 105—109.

¹² В. Т. Пашуто. Очерки... стр. 102.

¹³ В. Т. Пашуто. Очерки... стр. 130—132.

ного князя уже был установлен в княжеской усыпальнице — в «епископы» у «святей Богородици». Сообщение это органически связано с предшествующим текстом (рассказом о похоронах Владимира Васильковича), и есть поэтому все основания думать, что «летопись» так именно и начиналась — с этого сообщения. «И утолвжеса от плача, и нача (Мстислав) розсылати засаду по всим городом...», — читаем дальше (стр. 610). Почему нельзя предположить, что Мстислав, приехав во Владимир после смерти своего предшественника на владимирском столе, так и поступил, как здесь сказано: узнав по приезде о «коромоле» берестян, решил прежде всего принять срочные меры по охране своих владений, торжество же своего вокняжения отложил до «великого дня» — до пасхи? Не желая дробить уже начатого рассказа о «коромоле» берестян, летописец довел его до конца; когда рассказ был закончен,¹⁴ он с небольшим опозданием сделал то, чего не сделал раньше: сообщил о вокняжении Мстислава.

Известно о том, что литовские князья вскоре после вокняжения Мстислава передали ему Волковыйск, «абы с ними мир держал», — «вставка», по мнению В. Т. Пашуто. Опять произвольное допущение. «Вставка» эта навеяна предшествующим текстом: «мир держа (Мстислав) с околными сторонами, с Ляхи и с Немци, с Литвою» (стр. 613). В подтверждение этого последнего факта летописец и привел, конечно, сообщение о передаче Волковыйска Мстиславу.

Рассказ о распре Болеслава Краковского с Генрихом Вроцлавским и о походе Льва Даниловича на Краков и Шлезек в помощь Болеславу (стр. 614—616) — тоже «вставка», по мнению В. Т. Пашуто, прерывающая текст «княжой летописи». Только потому, что здесь речь идет о событиях в Польше? Но ведь сам же В. Т. Пашуто пишет, что в событиях этих «владимирский князь был заинтересован, поддерживая Конрада Семовитовича».¹⁵ А если так, то почему же не мог рассказать об этих событиях тот же автор, что выше писал о важной политической услуге, оказанной князем Мстиславом Конраду Мазовецкому. Рассказ в стилистическом отношении ничем не отличается от предшествующего изложения.

Как видим, нет достаточных оснований рассматривать дошедший до нас текст Волынской летописи как летописный свод. Ее «сводного» происхождения во всяком случае пока не удалось доказать ни одному из исследователей. И в этом нет ничего удивительного: метод «внутреннего анализа текста» при отсутствии каких-либо дополнительных материалов обычно не дает прочного результата и очень ограничен в своих возможностях. Волынская летопись в дошедшем до нас тексте не обнаруживает достоверных следов слайки, вставок, перегруппировки повествовательного материала. Концепция, по которой Волынская летопись — результат работы трех авторов (М. С. Грушевский) или двух (В. Т. Пашуто), текстом не подтверждается.

Есть основания полагать, что Волынская летопись от начала до конца — труд одного и того же автора. Хлебниковский и Ипатьевский списки относительно точно воспроизводят ее первоначальный текст. Об одной руке свидетельствуют как содержание летописи, так и весь ее литературный строй.

По наиболее вероятному предположению,¹⁶ летопись Данила Галицкого в дошедшем до нас тексте обрывается рассказом о походе Бурандая в 1258 г. на Литву. Действительно, после слов Данила сыновьям Льву

¹⁴ О конце рассказа ясно свидетельствует его заключительная фраза: «А вписал есмь в летописець коромолу их» (стр. 613).

¹⁵ В. Т. Пашуто. *Очерки...*, стр. 132.

¹⁶ Л. В. Черепнин. *Летописец Данила Галицкого Исторические записки*, № 12, 1941, стр. 228—229.

и Шварну: «Аще вы будете у мене, вам ездити к ним (татарам); ажели аз буду. . .» (стр. 561), уже отчетливо ощущается рука волинского летописца.

* *
*

Волинская летопись замечательна прежде всего единством своих политических симпатий и антипатий. Вся она, от начала до конца, проникнута местными интересами: предметом ее внимания являются прежде всего волинские князья, их дела и дни. Эта «волинская» тенденция в особенности отчетливо выступает на фоне летописи Данила Галицкого.

Центральный герой последней — Данил Романович здесь явно отступает в тень. Излагая события 1259—1264 гг., волинский летописец не раз упоминает о Даниле почтительно, но сдержанно. Характерный для его предшественника образ Данила — «рыцаря без страха и упрека» — под пером волинского летописца заметно бледнеет. Показателен в этом отношении уже начальный рассказ летописца — о втором нашествии Бурандая: узнав об «опале Бурандаевой», Данил «убоявся побеже в Ляхы, а из Ляхов побеже во Угры» (стр. 562). Краткий некролог Данила (стр. 570) банален и не идет дальше обычных в некрологах такого типа похвальных эпитетов («добрый, «хоробрый», «мудрый»); автор хвалит Данила за то, что он города ставил, церкви украшал; в особенности же хвалит Данила за то, что он любил брата Василька.

Почтительное отношение к Данилу переходит у волинского летописца в критику и даже откровенно враждебное отношение, когда речь у него идет о сыновьях Данила, Льве и Шварне, и о внуке Юрии Львовиче.

Хитрый, жадный, мстительный — таков Лев Данилович в изображении волинского летописца. Он осуждает Льва за убийство Войшелка: «дьявол же исконе не хотя добра человеческому роду, и вложи во сердце Лвови, уби Войшелка завистью, оже бяшет дал землю Литовскую брату его Шварнови. . .» (стр. 573). Рассказывая об объединенном походе русских князей в конце 1275 г. на Литву, автор сурово порицает Льва за то, что он, когда полки стояли у Новгородка, «лесть учини межи братьею своею, — утаився Мьстислава и Володимера, взя окольный город с татары» (стр. 576); «И гневахуся вси князи на Лва» за то, что поход на Литву по его вине был сорван. Когда в 1279 г. умер краковский князь Болеслав, Лев «восхоте себе» Лядской земли, но местные бояре «не даша ему земле». С осуждением пишет летописец и о том, что Лев не покинул своих намерений и тогда, когда краковский стол занял Лешко Казимирич. Желая «собе части в земле Лядской», Лев обратился за содействием к Ногаю «оканьному, проклятому». Зимой 1279 г. Лев вместе с татарской «помощью» пошел в Польшу; к походу вынуждены были присоединиться Мстислав Данилович, сын его Данило, Владимир Василькович («пойдоша неволю татарьскую»). Летописец явно не сочувствует этому походу. На Краков Лев пошел «с гордостью великою» (стр. 581). Поход Льва закончился полной неудачей («бог учини над ним волю свою»): Лев и его полки были разбиты (23 февраля 1280 г.) и он вернулся назад «с великим безчестьем» (стр. 582). Мечь Лешка Казимирича Льву («взя у него город Перевореск») отмечается как заслуженная кара за «гордость». С осуждением рассказывает летописец и о том, как Лев в 1288 г. «хитростью» пытался выпросить себе у больного Владимира Васильковича Берестье (стр. 600—601). Только один раз дал летописец Льву положительную характеристику. В 1289 г. Лев принял участие в войне за Краков Болеслава Семовитовича с Генрихом Вроцлавским. Болеслав был рад помощи Льва: «зане

бысть Лев князь думен, и хоробор, и крепок на рати» (стр. 615). Этот положительный отзыв о Лье здесь понятен, если учесть, что летописец сочувственно относился к борьбе Болеслава против узурпатора; в борьбе этой принимал участие и Конрад Мазовецкий, пользующийся большой симпатией волынского летописца.

Напоминает брата и Шварн Данилович в изображении волынского летописца. В нападении поляков на Холм в 1266 г. летописец косвенно обвиняет Шварна, упрекая его в лицемерии и коварстве по отношению к королю Болеславу (стр. 571). Шварна, на этот раз уже прямо, он обвиняет в поражении объединенных полков Шварна и Владимира Васильковича в битве с поляками 17 июня 1266 г. («вперед идя своим полком и не помня речи стрья своего, и не дождав полка брата своего Володимера, и устремися на бой») — полк Владимира не мог оказать помощи «теснотою» (стр. 572). Упомянув о смерти Шварна (стр. 574), летописец даже не счел нужным посвятить ему краткий некролог с традиционным перечислением добродетелей покойного князя.

В самых резких тонах излагает волынский летописец действия Юрия Львовича. Он с осуждением упоминает о «безумьи» Юрия в походе 1277 г. на Литву (стр. 579). С осуждением рассказывает и о другом поступке Юрия: когда в 1288 г. умер Лешко Черный, претендентами на его наследство явились не только Конрад Мазовецкий, но и верный политике своего отца Юрий Львович («хотяшетъ бо собе Люблина и земле Люблинской»); в город, однако, его не пустили; тогда он долта разорил околицы Люблина, пожег их и пограбил (стр. 599). Наглая просьба Юрия к Владимиру Васильковичу отдать ему Берестье также вызывает возмущение летописца (стр. 600). Узнав о смерти Владимира, Юрий, сообщает летописец, «въеха в Берестий и нача княжити в немь, по съвету безумных своих бояр молодых и коромолников берестьян» (стр. 611). Выехав «с великим соромом» из Берестья по настоянию отца, испуганного угрозой Мстислава Даниловича призвать татар («еще бо ему не сошла оскомина Телебужины рати»), Юрий ограбил «все дома стрья своего, камня на камне не оставил в Берестье, в Каменце и в Бельске (стр. 612).

На первый план у волынского летописца выдвинуты Василько Романович и его сын Владимир Василькович. Последний в особенности. Повесть о болезни и смерти этого князя занимает в летописи центральное место и принадлежит к лучшим ее страницам по обстоятельности изложения, знанию мельчайших подробностей, теплоте чувства.

«Благоверный», «христолюбивый» князь Василько Романович окружен у волынского летописца подчеркнутым вниманием и симпатией. С большим удовлетворением отмечает автор тот факт, что в 1259 г. именно он, Василько, вышел навстречу Бурандою с дарами и тем самым успел предупредить брата об опале. Именно он, Василько, а не Данил Романович, спасает Холм — стольный город брата — от татарского разорения; «съ же великий князь Василко акы от бога послан бы[сть] на помочь горожаном, пода им хытростью разум», — пишет летописец по этому поводу (стр. 563). В 1262 г. Василько, «возложив упование на бога и на пречистую его мать и на силу честнаго хреста», одержал победу над литовцами, напавшими на Мельницу; факт этот радует летописца несмотря на то, что Василько сам отчасти был виноват: нападение литовцев — месть за поход Василька с татарами на Литву в 1259 г. «Василко поеха к Володимерю с победою и честью великою, славя и хваля бога, створшаго предивная, покоршаго ворогы под нозе Василкови князю» (стр. 566). Мелкая стычка (только один человек был убит «от полка Василкова») под пером летописца приобрела значение блестящей победы, едва ли не чуда! Когда

в 1266 г. поляки напали на Русь, оборону умело и своевременно организовал Василько (стр. 571—572). В уста Войшелка, когда он уступил Литву Шварну Даниловичу и ушел в монастырь, летописец вложил такие слова: «Се ми зде близ мене сын мой Шварно, а другий господин мой отець, князь Василко» (стр. 573; ср. стр. 570).

Владимир Василькович в изображении волынского летописца — высокий идеал князя-правителя. Справедливый и милостивый, он пользовался, по словам летописца, всеобщей любовью, как князей и бояр, так и «простых людей», за свое «добро и правду». «Беспокровным покров», «обидимым заступник», он оказывал помощь и содействие всем, кто только в этом нуждался. В 1279 г. он помог голодающим ятвягам (стр. 580). Когда в 1282 г. Конрад Мазовецкий отправил Владимиру посла с извещением о своей «соромоте», он «сжаливси и расплакався» и немедленно принял участие в распре Семовитовичей на стороне Конрада (стр. 582—583). В 1285 г. он оказал помощь и попавшему в беду Льву Даниловичу: по просьбе Льва пошел вместе с ним на поляков, разорявших владения Льва (стр. 585—586). Он поддерживал добрые отношения с Литвою, и литовцы, по словам летописца, очень ценили это отношение к ним Владимира; они говорили ему: «Володимере, добрый княже, правдивый! Можем за тя головы свое сложити; коли ти любо, осе есмы готовы» (стр. 586). Особо отмечена в летописи забота Владимира о церкви: «домы церковные» он щедро снабжал иконами, книгами, дорогими сосудами, посылал ценные подарки епископиям Перемышльской и Луцкой, даже в далекий Чернигов (стр. 609). С большой похвалой подчеркнута летописцем также необыкновенная образованность и начитанность Владимира Васильковича; книги он не только читал, но и охотно переписывал (стр. 609). «Бысть книжник велик и философ, акого же не бысть во всей земли и ни по немь не будеть», — писал о нем летописец (стр. 601). По словам летописца, он хорошо разумел «древняя и задняя» (стр. 600) и даже обладал даром понимать «притче» и всякое «темно слово» (стр. 601).

Единством характеризуется и литературный строй Воынской летописи. Непосредственно примыкая к летописи Данила Галицкого, она ведет изложение без погодной сетки, как и предшествующая ей летопись. Но этим и исчерпывается сходство между ними. Летопись Воынская по всему своему литературному строю явно тяготеет к традициям киевского летописания XII в.

В основе ее изложения лежит тот же строго хронологический принцип, что и в летописании киевском. Характерное для летописца Данила Галицкого стремление «овогда же писати в передняя, овогда же возстupati в задняя» воынскому летописцу чуждо; отступления от хронологического принципа у него единичны и не выходят за пределы обычной нормы.

С киевским летописанием Воынская летопись сближается и наличием одних и тех же форм повествования. В ней налицо все выработанные киевским летописанием повествовательные жанры: краткая погодная запись, «документальный» рассказ, некролог и, наконец, пространный агиографическая повесть (о смерти Владимира Васильковича).

В отличие от летописи Данила Галицкого, где погодные записи вообще отсутствуют, в летописи Воынской они нередки (стр. 570, 589, 590 и др.). Краткие и аморфные в литературном отношении, они ничем не разнятся от аналогичных в летописи Киевской.

Некрологи Воынской летописи также по структуре своей очень близко напоминают соответствующие статьи Киевской летописи, иногда даже дословно совпадая с ними. Все они (см. стр. 570, 574, 581, 590, 591) построены по одной и той же схеме: сообщается о том, когда умер князь,

где, в каком именно монастыре или церкви, он был погребен; часто добавляется сюда еще и краткое упоминание о плаче над телом покойного его родственников или всего народа, а также краткая характеристика добродетелей покойного.

Рассказы Волынской летописи (многие из них воспроизводят отдельные эпизоды «семейной хроники» князя Василька Романовича и его сына Владимира), как и рассказы Киевской летописи, написаны просто, без того нагромождения «дательных самостоятельных», которое так характерно для летописца Данила Галицкого, без свойственных его повествовательной манере стилистических украшений: развернутых сравнений, риторических восклицаний, отступлений «от автора» и пр. Все рассказы волынского летописца строго фактографичны; суховатую деловитость тона и протокольную конкретность описаний только изредка нарушают отдельные колоритные детали: когда Василько вел переговоры с Бурандаем, холмский владыка «стояше во ужаси велице» (стр. 562); Тройден был убит, когда шел «до мовниці мытсья» (стр. 569); пар, исходящий из горных источников, татарами был принят за «пар ис коней» (стр. 576) и пр.

Нет в летописи Данила Галицкого и чего-либо похожего на повесть о болезни и смерти Владимира Васильковича. Начиная с рассказа о событиях 1287 г., она переключается в отчетливый агиографический строй повествования — в стиле повестей Киевской летописи о смерти Ростислава Мстиславича и его сыновей — Мстислава и Давида. То же нагнетение подробностей, иллюстрирующих христианские добродетели князя. Та же «умилительность» поведения князя (пространные молитвы, глубокие «воздыхания», обильные слезы, воздетые к небу руки).¹⁷ Есть и дословные совпадения. Молитва Владимира Васильковича перед смертью буквально соответствует молитве Давида Ростиславича.

Волынская летопись

Киевская летопись

Владыко господи боже мой! Призри на немощь мою и вижь смирение мое, одержаща мя ныне: на тя бо уповаю терплю; о всех сих благодарю тя, господи боже, ... яко смирил еси душу мою, во царствии твоём причастника мя створи... (стр. 603).

Владыко господи боже мой! Призри на немощь мою, вижь смирение мое, одержаща мя ныне, да тобою уповаю терплю; и о всех сих благодарю тя, господи, яко смирил еси душу мою и во царствии твоём причастника мя створи... (стр. 472).

Плач княгини Ольги по муже почти дословно воспроизводит плач княгини Романа Ростиславича над телом супруга.

Волынская летопись

Киевская летопись

Царю мой благый, кроткий, смиренный, правдивый! Воистину наречено бысть тебе имя во крещеньи Иван, всею добродетелью подобен есь ему: многыа досады прим от своих сродник, не видех тя, господине мой, николиже противу их злу никоторого же зла воздающа, но на бозе вся покладывая провожаще (стр. 604).

Царю мой благый, кроткий, смиренный, правдивый! Воистину тебе нарчено имя Роман, всею добродетелью сый подобен ему: многыа досады прия от смолян, и не виде тя, господине, николи же противу их злу никоторого зла въздающа, но на бозе вся покладывая провожаще (стр. 417—418).

«Лепшии мужи» владимирские оплакивают смерть своего князя так же, как и «лепшии мужи» новгородские смерть своего князя — Мстислава Ростиславича.

¹⁷ См.: И. П. Еремин. Киевская летопись как памятник литературы. ТОДРЛ, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 85—90.

Волинская летопись

Добро бы ны, господине, с тобою умрети, створшему толикую свободу, якоже и дед твой Роман свободил бяше от всех обид; ты же бяше, господине, сему поревновал и наследил путь деда своего; ныне же, господине, уже ктому не можем тебе зрети, уже бо солнце наше зайде ны и во обиде всем остахом (стр. 605).

Киевская летопись

... добро бы ныне, господине, с тобою умрети, створшему толикую свободу новгородьцем от поганых, якоже и дед твой Мьстислав свободил ны бяше от всех обид; ты же бяше, господине мой, сему поревновал и наследил путь деда своего; ныне же, господине, уже ктому не можем тебе узрети, уже бо солнце наше зайде ны и во обиде всим остахом (стр. 413).

Есть, наконец, у волинского летописца своя, отличная от галицкого, манера изложения, свои излюбленные слова и словосочетания, неоднократно повторяющиеся на протяжении всего текста летописи; одни из них воспроизводят аналогичные формулы киевского летописания, другие являются, очевидно, принадлежностью самого автора, например: «возвратишася во свояси», «пойдоша во свояси», «поехаша во свояси» (стр. 565, 576, 570, 572 и др.); «безчисленное множество» (стр. 564, 570, 580, 585 и др.); «быти во велице любви», «быти в любви велице» (стр. 572, 577, 581 и др.); «милую свою дочь» (стр. 569), «милое место» (стр. 584) и др.; «показа мужьство свое», «не мало бо показа мужьство свое» (стр. 569, 572, 615 и др.); «печален бысть о семь велии и нача промышляти» (стр. 568, 575, 579); «свое безумье», «своим безумьем», «своего безумья» (стр. 579, 585, 587, 611); «устремилася на бег» (стр. 566, 585 и др.); «и не успеха у него ничтоже», «не успев ничего же» (стр. 563, 589, 590, 615, 616 и др.); «створи дело памяти достойно» (стр. 564, 585); см. также некоторые устойчивые сочетания отрицательных эпитетов: оканьный, безаконный, проклятый (стр. 562, 565, 569, 574, 587 и др.). Формула, в Киевской летописи обычно завершающая собою сообщение о смерти того или иного князя, волинским летописцем также была привлечена — после известия о кончине Владимира Васильковича: «приложися ко отцем своим и дедом, отдав общий долг, его же несть убежати всякому роженому» (стр. 603).

Когда Волинская летопись была составлена? Есть данные, указывающие на то, что составлена она была в один прием — не ранее 1289—1290 гг.

Сообщая о появлении в 1264 г. на востоке кометы (звезды «хвостатой»), летописец отметил, что некие «хитреци» так рассуждали по поводу ее: «оже мятежь велик будеть в земли», и добавил: «но бог спасе своєю волею, и не бысть ничтоже» (стр. 570). Последняя фраза — знак, что известие о комете было записано позже 1264 г.

Рассказывая о том, что после убийства Войшелка в 1267 или 1268 г. (точная дата неизвестна) княжить в Литве стал «оканьный и безаконный» Тройден, летописец сообщил, забегаая вперед, что Тройден «жи в же лет 12, и тако преставися безаконник» (стр. 574). Тройден умер в 1281 или 1282 г. Рассказ, следовательно, был написан уже после его смерти.

Позже 1281—1282 гг. был, несомненно, составлен и рассказ о походе в 1275 г. Льва Даниловича с татарами на Новгородок; начинается он так: «Тройденеви же еще княжашу в Литовьской земле...» (стр. 575). После смерти Тройдена была составлена и запись об удачном его походе на поляков в 1278 г., судя по начальной фразе: «Тройдени же еще княжа в Литовьской земле...» (стр. 579—580).

Даже рассказ о событиях 1286—1287 гг. был написан позже этих лет. Излагая историю похода Телебуги и Ногая на Польшу и Волинь в 1286—1287 гг., летописец так объяснил причину, побудившую русских князей

присоединиться к походу татар на Польшу: «тогда же бяху вси князи в неволе татарьской» (стр. 588; ср. стр. 575, 585, 591). Несколько ниже летописец писал: «Телебуга же еха обзирать города Володимеря, а друзии молвять, оже бы и в городе был, но то не ведомо» (стр. 588).

Подробному и обстоятельному изложению событий, начиная с рассказа о событиях 1287 г., предшествует в летописи более или менее беглый рассказ о событиях 1259—1286 гг. В этой части повествования имеются даже провалы: о событиях 1261, 1270—1271, 1283 гг. ничего не сообщается. Эта неравномерность изложения понятна, если предположить, что летопись была составлена не ранее 1289—1290 гг.

Обращает на себя внимание в этой же связи и отсутствие развернутых «речей» (прямой речи) в начале летописи, а также разного рода припоминания; например, в рассказе об убийстве литовского князя Миндовга или в рассказе о походе русских князей на Польшу в 1286 г. Убит был Миндовг в 1263 г., но летописец, излагая предысторию этого события, сюда же, в рассказ об убийстве Миндовга, поместил и ряд других известий, относящихся к более раннему времени: о крещении Войшелка и пребывании его у старца Григория в Полонине (1255—1256 гг.), о попытке Войшелка отправиться на Афон (1256—1257 гг.), о смерти жены Миндовга (около 1263 г.) и др. (см. стр. 567—568). Рассказывая историю похода 1286 г. Льва и Владимира на Польшу, о погроме ими околицы Вышгорода и Люблина совместно с литовцами, летописец вспомнил и записал событие 1280 г. — о победе берестян (воеводы Тита) над поляками (стр. 586—587): победа над поляками 1286 г. напомнила ему аналогичную победу 1280 г.

Завершающая повесть о смерти Владимира Васильковича «похвала» этому князю, несомненно написанная уже в начале княжения Мстислава Даниловича, бросает дополнительный свет на цели и задачи волынского летописца. Обращаясь к покойному князю с разного рода риторическими вопросами и восклицаниями (многие из них имитируют «Слово о законе и благодати»), летописец, между прочим, писал: «Добр зело послух брат твой Мьстислав, его же сотвори господь наместника по тебе твоему владычеству, не рушаща твоих устав, но утвержающа, ни умаляюща твоему благоверью положения, но паче прилагающа, не казняща, но вчиняюща; иже не скончана а твоя учиняюща...» (стр. 606; ср. стр. 607). Строки эти — прямой призыв к Мстиславу Даниловичу во всем продолжать дело Владимира Васильковича.¹⁸ Летописец полностью включил в состав своего труда заветание Владимира — несомненно в напоминание ныне здравствующему князю. Летопись отражает и тревогу и надежды, которыми были охвачены приближенные покойного князя в начале правления его преемника.

Кто был автором летописи? Прямых указаний на него в тексте нет. М. С. Грушевский, а вслед за ним и Ф. Коструба¹⁹ полагали, что автором летописи был тот писец Федорец (Ходорец), который по поручению Владимира Васильковича писал его предсмертные «грамоты» (стр. 594). М. С. Грушевский отождествлял этого Федорца с тем Входорком Юрьевичем, у которого князь купил село Березовичи для своего монастыря Святых Апостолов (стр. 595). «Как приближенный, „покоевый“ писец Федо-

¹⁸ К. Н. Бестужев-Рюмин даже предполагал, что повесть о смерти князя Владимира Васильковича была специально написана «для Мстислава» [см.: К. Бестужев-Рюмин. О составе русских летописей до конца XIV века. ЛЗАР (1865—1866), вып. IV. СПб., 1868, стр. 156].

¹⁹ Галицько-волинський літопис, ч. I. Переклав і пояснив Теофіль Коструба. Львів, 1936, стр. 22.

рец был при Владимире неотлучно во время его болезни и потому так обстоятельно и описал его жизнь со дня на день, с часу на час. Он присутствовал при его последних приемах, о которых и сообщил с такими мелкими подробностями». ²⁰ Гипотезе М. С. Грушевского нельзя отказать в остроумии, но вероятность ее все же очень сомнительна. Трудно допустить, что писец Федорец писал сам о себе в третьем лице: это было совсем не свойственно древнерусским книжникам. По тем же причинам решительное сомнение вызывает и догадка В. Т. Пашуто, что автором летописи («летописей» Владимира Васильковича и Мстислава Даниловича) был владимирский епископ Евстигней. Если автора непременно искать среди упоминающихся в летописи духовных лиц из окружения Владимира, то с равным основанием можно предположить, что автором летописи был другой епископ — Марк, которого князь Владимир Василькович оставил вместо себя во Владимире, когда принял решение уехать в Любомль (стр. 592), или тот «отец духовный», у которого Владимир накануне смерти причащался (стр. 602).

Об авторе Волынской летописи уверенно сказать можно только то, что он был горячим сторонником князя Владимира Васильковича, был в курсе всех событий его княжения и лично его знал, что человек он был начитанный, хорошо усвоивший практику и традиции летописного дела, — видимо, местный монах или священник.

Какими документальными источниками пользовался волынский летописец, составляя свой труд?

По-видимому, их было немного. В основном летопись была написана частью по памяти (она охватывает период времени всего за тридцать лет — с 1259 по 1290 г.), частью со слов «самовидцев» (см. стр. 587; ср. стр. 590). Точное перечисление имен послов, воевод и проч. наводит на мысль, что автор пользовался и какими-то краткими записями — «памятками». В руках его было и два подлинных документа: завещание («рукописание») князя Владимира Васильковича (стр. 594—595) и уставная грамота Мстислава Даниловича берестянам (стр. 613).

По предположению В. Т. Пашуто, волынский летописец имел и еще некоторые источники: «антитатарскую обличительную повесть», как называет ее исследователь, «летопись литовскую», особую повесть о «судомирском взятии», две «героические» повести о Рахе Михайловиче и Тите, ряд грамот и посольских донесений. Предположение это, однако, принято быть не может, так как В. Т. Пашуто обосновать его в должной мере не удалось.

«Антитатарская обличительная повесть» была, по утверждению В. Т. Пашуто, посвящена событиям 1285—1287 гг. и состояла, собственно, из трех рассказов: о походе Телебуги и Ногая в Венгрию, о походе Телебуги и Ногая на Польшу в 1286 г., о новом походе Телебуги и Алгуя на Польшу в 1287 г. В тексте Волынской летописи повествование об этих походах перебито другими известиями: о походе Льва Даниловича и Владимира Васильковича в 1286 г. на Болеслава Польского (о погроме ими околицы Вышгорода и Люблина), о победе берестян над поляками в 1280 г., о совместном походе Руси и Литвы на Сохачев, а также рядом других сообщений. Прием, при помощи которого В. Т. Пашуто реконструирует «повесть», очень прост: из «татарских» рассказов летописи устраняется все, что перебивает «татарскую» тему. ²¹ Установленные в результате этой операции части текста объявляются «фрагментами» не дошедшей до нас «антитатарской повести», все остальное — записями «княжеской летописи». При чем не ясно, какими соображениями руководствовался исследователь, отме-

²⁰ М. Грушевський й. Історія української літератури, стр. 202.

²¹ В. Т. Пашуто. Очерки. . . , стр. 110—112.

чая границы того или иного «фрагмента». Первый, например, фрагмент «повести», по утверждению В. Т. Пашуто, обрывается словами: «... и тако поидоша вси» (стр. 585). Следующая фраза, на мой взгляд, теснейшим образом связанная с предыдущей, принадлежит, по словам В. Т. Пашуто, владимирскому летописцу: «Токмо и один Володимер остая, зане бысть хром». Только потому, что здесь налицо повторение, дважды сообщается о хромоте Владимира? Но почему летописец не мог повторить одно и то же?

Аналогичным образом реконструируется В. Т. Пашуто и предполагаемая им «литовская летопись», составленная якобы в Новгородке. «Если выбрать из летописи, — пишет В. Т. Пашуто, — все упоминания о литовских князьях, то получится относительно связный текст, состоящий из жизнеописаний ряда литовских князей, составленных, вероятно, книжником одного из прославленных монастырей Литвы».²² Идя этим путем, В. Т. Пашуто, конечно, находит «фрагменты» предполагаемого им источника, так как Волынская летопись о литовских князьях (Миндовге, Тройнате, Войшелке, Шварне, Тройдене) действительно сообщает. Отсюда, однако, еще отнюдь не следует, что факт существования «литовской летописи» становится бесспорным. Что касается остальных источников, то суждения о них В. Т. Пашуто не идут дальше допущений и догадок.

²² В. Т. Пашуто. Очерки... стр. 113.